

18+

Борис А. Борисов

«ORBI UNIVERSO»

Править всем миром

Борис Авенирович Борисов
«Orbi Universo».
Править всем миром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42005922

ISBN 9785449649072

Аннотация

ORBI UNIVERSO – править всем миром, ибо сказано: «Зачем вам власть над миром, если за это надо отдать свою бессмертную душу...» Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Intro»	7
Глава Первая, Где Зоя колдует, встречает жениха и потом водит его кругами	21
Глава Вторая, Где Зою сватают в Министры, а Пётр Петрович мнётся и сомневается	28
Глава Вторая, Где Зою сватают в Министры, а Пётр Петрович мнётся и сомневается	29
Глава Третья, Мы встречаем Якова Самуиловича, он грызёт печать и рассказывает как пил кровь молодого фельдегера	37
Глава Четвёртая, Где появляется Иван Егорович Светлогоров, Бомж и Мыслитель	52
Глава Пятая, Где мы узнаем как стать ведьмой, и что будут если в Крыму вместе колдуют двести лучших колдунов	71
Глава Шестая, Где мы узнаем, что нет ничего плохого в месяце Сафар	79
Глава Седьмая, Индия, и что из этого вышло 12 декабря 2012 года	84
Глава Восьмая, Города побратимы Луганск и Лугано и царь Справедливости Хаммурапи Конец ознакомительного фрагмента.	93
	95

«Orbi Universo»
Править всем миром

Борис Авенирович Борисов

© Борис Авенирович Борисов, 2019

ISBN 978-5-4496-4907-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БОРИС А. БОРИСОВ

«ORBI UNIVERSO»
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Boris A. Borisov «Orbi Universo» MMXII MMXVIII
Anno Domini...

«Intro»

«... *Imperare Orbi Universo...*»

«*Править всем миром*» (лат)

Двадцать первое декабря две тысячи двенадцатого года, пятница, около полудня

– Нет, я *под этим* не засну, – отвергла молодая женщина невесомое пушистое одеяло, которое задумчиво мял в руках её мужчина, и зачем-то на несколько секунд обиделась на него. – Мне нужно чтобы меня *прижимало*. А то я не засну.

– А тяжелая волосатая нога не подойдет? – поинтересовался муж, впрочем, лишь для поддержания разговора. Женщина надула губки таким особым образом, что без слов стало ясно, что не подойдет, и как вообще можно сравнивать, и что дискуссия тут бесполезна, хотя тяжелая волосатая нога тоже, конечно, на что-нибудь сгодится, и эта мысль не отвергается, но сейчас они пойдут искать тяжелое ватное одеяло до победного конца, и пусть все рухнет, но тяжелое ватное одеяло, такое, чтоб *прижимало*, они найдут. Поскольку преддрожественский шоппинг длился уже третий час, муж глубоко вздохнул и зашарил глазами по торговому залу: «Где же

тут тяжёлые одеяла?»

Критически окинув взглядом бестолкового мужа который не может даже найти одеяло, а мы ещё ждём от них рыцарских поступков, женщина сняла привезенный из Таиланда и крашеный при ней вручную шейный платок глубокого бордового цвета (который почему-то не доезжает до наших прилавков, но в изобилии и на каждом шагу присутствует в Азии), крокодиловую сумку сшитую из лично пойманного супругом крокодила, черный жакет золотого шитья и отдала всё это добро в руки мужчины. На её белом плече обнаружилась татуировка совершенно чёрного рисунка, без тени блеска и какого—либо оттенка цвета, подписанная по кругу полатыни таким же радикально чёрным шрифтом: «*Imperare Orbi Universo*».

Вздыхнув, супруг принял жёнушкины вещи с неторопливостью минёра, которому дали сложную мину и теперь нельзя делать резких движений и допускать ошибок – иначе могут возникнуть отдельные неприятности: голова отдельно, туловище отдельно.

Стало ясно, что без одеяла она отсюда не уйдёт.

– Ну, и где здесь тяжелые одеяла? – обречёно поинтересовался муж, сканируя взглядом ряды бутиков и брендовых ла-

вок, пока на наткнулся взглядом на собственную жену и заметил там, в глазах, необычный блеск. Жена с живым интересом разглядывала нечто за его спиной.

– Гхм, – раздался негромкий хриплый голос явно немолодого человека. – Вы, надеюсь, позволите вам помочь? – Поскольку ещё секунду назад вокруг пары в радиусе, наверное, метров двадцати ровным счетом никого не было, конденсация консультанта прямо из атмосферы, причем в самый нужный, можно сказать, критический момент выглядела как минимум загадочно.

– Ааааа... Ммм ... – начал было муж формулировать вопрос, но был весьма некстати перебит звонким рингтоном из кожаной барсетки: *«Двенадцать часов! Джентльмены пьют и закусывают!»* – который каждый полдень напоминал ему о его полуденных обязанностях простого руководителя среднего звена, министра Правительства Московской области. Поскольку работы у Петра Петровича Петрова (назовём его так для конспирации) всегда было столько, что нетрудно было и забыть про обед, а иногда даже и про ужин, а это запрещалось женой.

– Вы, наверное, хотите не вполне обычное одеяло? – поинтересовался таинственный консультант, пошевелив своим необыкновенно вытянутым носом, ещё и как бы обрезанном

на конце, влево-вправо, а потом, для верности, пошевелил ещё, – Сегодня не вполне обычный день... Начиная с 11 августа 3114 года Некто уже спрашивал его у меня много раз, но я ему не дал, потому что у него же нет Печати...

Консультант хрипло засмеялся лишь одному ему понятной шутке.

Трудно сказать, насколько одеяло, которое хотели они (причем муж уже даже больше, чем жена, и побыстрей, побыстрей ...), было необычным, и чем так было необычно 21 декабря 2012 года. Но в предновогодние дни от необычного обычно не отказываются, и, покивав для верности головами, наш небольшой отряд под руководством таинственного проводника направился в нужном направлении, где, как надеялся муж, обитают Тяжелые Одеяла.

– Но это дорого, – вдруг на полушаге остановился проводник так, что чуть не образовалось небольшое ДТП под названием «паровозик», особенно из Зои, которая привычно налетела на мужа так как обычно тормозила об него, это же проще чем ногами, и он давно обещал ей поставить себе сзади стоп-сигналы, – Это очень дорого. Вам придётся заплатить полную цену, Пётр Петрович. Вещь эксклюзивная. В единственном экземпляре. На Земле.

Пётр Петрович повертел среди пальцев золотую кредитку с видом ковбоя, привычно крутящего в руке тёртый проверенный кольт. «Наличными», – уточнил консультант. Министр изобразил знак: «Ноу проблем» плечами, и кавалькада продолжила путь.

Стоит сказать, что и одет наш провожатый был необычно и предельно, предельно несовременно, напоминая скорее барона Мюнхгаузена только что сошедшего с экрана в зал кинотеатра, но наш министр уже так утомился, что ему было не до удивлений и уж точно не до баронов. Он просто шел за одеялом.

После пары часов в торговом центре «Тёплый Стан», где они уже купили диван и отправили его домой, в комнату для гостей, чемодан вместо сломанного Зоей в Индии, потому что купленное не влезало, а надо же закрыть, затем поменяли его на саквояж, и в итоге взяли и тот, и другой, корзину для фруктов, картину, от которой Зое нужна была только рама чтобы повесить золотой рог Шафар на стену, затем набрали целую картонку всяких мелочей, и под конец ещё и маленькую прикольную собачёнку, которая легко превращалась в подушку и обратно – и после всех этих трудов поехали ещё и в ЦУМ, по старинке называемый женой «Мюръ и Мерилизь», и министр уже готов был выложить любую сумму, чтобы жену наконец *прижало одеялом*.

Цумский незнакомец, впрочем, не спешил, и, важно поскрипывая сапогами с высокими кожаными голенищами, провел всю процессию служебным ходом в подвал здания, где они попали в самое обычное офисное помещение, лишь без окон, вместо которых вдоль стены был выстроен зеркальный шкаф-купе.

Около зеркала зачем—то сидела большая кудрявая собака которая посмотрела на гостей с некоторой долей сомнения, затем низко опустила голову и стала потихоньку-потихоньку рычать, так низко, что даже стёкла в шкафу стали слегка подрагивать, но длинноносый просто отодвинул пса в сторону ногой, рычание прекратилось, но глаз с незнакомцев пёс на всякий случай не спускал, и шерсть его по всей спине так и осталась стоять дыбом как ирокез, даром что кудряшки.

Однако выяснилось, что путь их далеко не окончен. Широким балетным жестом проводник раздвинул створки шкафа, но тот оказался пуст: вместо желанных одеял там обнаружилась лишь большая картина в золочёной раме, изображавшая зажженный очаг с рваной дырой посередине, словно картину только что проткнули острой палкой, а за картиной — массивная деревянная дверь грубо срубленная из двух широких дубовых досок, почерневшая и укреплённая полосами кованого железа, сбитыми таким же доисторическими гвоз-

дями ручной выделки с квадратными черными шляпками. Да и сама стена белого известняка, открывшаяся за створками шкафа резко отличалась от всего остального: стена явно не принадлежала этому зданию, и даже веку его постройки. Картину отодвинули, лязгнул кованый засов и дверь со скрипом неохотно поддалась проводнику. Из темноты пахло палёной смолой и серой, и за дверью обнаружился узкий тёмный арочный проход и лестница вниз со ступенями для чело­веков-великанов рублеными из того же белого камня.

Все это напоминало уже не «Мюръ и Мерилизь» а скорее времена Ивана Третьего, где стены новые вставляли на белые камни старого Кремля. Министр оглянулся на жену. Нет, нет, её ровно ничего не смущало, и она толпилась у входа, создавая небольшую толкучку из себя одной, стараясь скорее спуститься вниз, но там было круто. Оставалось безропотно следовать за провожатым. В подвал, так в подвал.

Министр был женат на Зое вторым браком. Ранее, когда он был моложе и решительней, и ещё пытался заниматься частным бизнесом, то посылал за покупками свою первую жену с личным шофёром, что сэкономило ему кучу времени. Однако узнав, что они там не только покупки совершают, уволил и жену и шофера, и с тех пор таких ошибок более не совершал. Семейные обязанности тяжки, но совершать их лучше самому. Даже если ты «владеешь всем миром».

Министр любил свою жену, но слегка опасался, не без оснований подозревая в ней ведьму, поэтому разумно предпочитал лишний раз с ней не спорить. Самое страшное и ужасное что он мог сказать жене после пары часов женского монолога – *«Дорогая моя, любимая моя, поросёночек мой розовый, я подарю тебе половину этого мира, если ты немедленно замолчишь. Заткнись, пожалуйста»*. Супруга знала, что если её монолог будет продолжен то муж уйдёт в гараж, и либо уедет, либо вернётся оттуда столь вдохновлённый выдержанным ирландским самогоном, что перестанет воспринимать её умные мысли вообще. Но разве женщина может остановиться, даже за полмира? Тут и целого мира мало.

За этими размышлениями они спустились по лестнице, причем Зоя смело карабкалась по ступеням сама, прошли арочным коридором сложенным из крупного кирпича (*«Похоже на старую ливнёвку, – подумал Министр, – К Неглинной идём»*) и незаметно дошли до цели, довольно пыльного и большого подземного каземата, освещенного лишь светом четырёх факелов стоящих в нишах стен в кованых ажурных стаканах. Из центра сводчатого потока вверх на неизвестную высоту, потерянную глазом в темноте шел круглый кирпичный лаз, откуда слегка доносился шум зимнего города, а на все четыре стороны шли ровно такие же проходы, каким они прибыли к месту событий. (*«Нет, не ливнёвка, – по-*

думал Министр, – *Тут что-то посложней*») В центре каземата прямо на новеньком, пахнущем свежестроганой новогодней елкой европоддоне лежал мешок значительных размеров, размеров несколько больших, чем обычно ожидают от одеяла. Станным образом его что-то подсвечивало сверху, хотя лаз над ним был совершенно тёмным. «*Ультрафиолет?* – подумал искушенный в ночной жизни министр, – *Лазеры?*», и подошел поближе, посмотреть.

Мешок этот уже сам по себе был вполне необычен, и определённо являлся художественным артефактом: кроме размера, ткань, из которого он был сшит нельзя было вполне назвать тканью. Похож он был скорее на те старые джутовые мешки, в которых во времена стародавние на скрипучих парусниках везли с Востока *колонизальные товары*, но скручен был не из ниток, а из тонких джутовых вервей, и прошит по периметру настоящим манильским тросом, шершавым и волосатым, как кокосовая пальма. Трос по углам превращался в большие удобные петли, за которые, по всей видимости, мешок можно было легко переносить с помощью четырёх невольниц. Он мешка неуловимо пахло хорошим кофе, кокосом и черными рабами.

– Обычно такой товар не продаётся, – извиняющим тоном сзади заскрипел голос проводника, – но сегодня необычный день... Тату сделано в полдень, 12 декабря 12 года ... 28 му-

харрама 1434 года Хиджры... плюс ровно девять дней... Следующий раз возможен только через тысячу лет. Это эксклюзив.

Впрочем, то что это эксклюзив было видно с полувзгляда. На ординарных вещах обычно не вышивают вручную герб золотыми нитями, с камнями в коронах. Трехглавый коронованный орёл цепко держал в лапах петлистую двуглавую змею, проглатывающую одной головой серую мышь, а другой мудрую жабу, внизу в волнах плескалась рыба с двумя головами, причем одна из них вместо хвоста, а длинный латинский девиз окружал весь этот непонятный непосвященному в тайны Каббалы и клип-арта зоопарк, причем, не совсем читаемый, в котором, однако, явственно угадывалось слово: «Orbi». Венчал композицию узнаваемый глаз в треугольнике. Впрочем, треугольников на самом деле было два, золотой, и едва видимый серебряный, которые пересекаясь составляли вместе полный шестиугольник. Глаз в шестиугольнике смотрел строго и поблескивал круглым нефритовым зрачком с золотой вставкой сбоку.

– Смотреть будете?

Конечно же, решили посмотреть. Конец манильского каната был завязан сложным узлом, который их спутник развязал одним быстрым движением руки, потянув где надо,

и распустил петли с одной стороны мешка. Одеяло не обмануло ожиданий. Шитое внизу натуральным шелком, таким, что рука скользила как бы не встречая ничего на своём пути, поверху оно выглядело плетёнкой из грубых джутовых нитей, но именно «как бы» и понять, что поверхность одеяла совершенно, абсолютно гладкая, столь же гладкая, как и изнанка, можно было только потрогав его рукой. В середине полотна красовался ровно тот же герб, как и на мешковине, но без камней, и шитый гораздо более тонким шитьём. Герб, казалось, немного парил над одеялом, не касаясь его, а лишь отбрасывая тень, а змея даже немного шевелилась. Мышь так та вообще вовсю дергала золотым хвостом.

Списав этот эффект на необычность освещения (а факелы, как только они вошли в каземат замигали, забились, и свет их стал каким-то синим, с лиловым оттенком), министр полез в карман.

– Сколько, – спросил он, доставая бумажник.

– Вы уже рассчитались, Пётр Петрович, – безапелляционным тоном произнес их проводник, и впервые посмотрел министру прямо в глаза. – Плата с вас уже взята. *Et potest esse quod factum est.*

Министр заметил, что взгляд его спутника косоват, рес-

ниц и бровей нет вовсе, а зрачки радикально разного цвета.

«Ибо не все, за что заплачено – куплено, а не всё что куплено – ваше».

И, странное дело, после, вспоминая этот разговор, Пётр Петрович донельзя был уверен что рассчитался, точно помнил, что рассчитался, но хоть убей не помнил – когда и как он рассчитался. Хотя сумма была весьма и весьма значительная, но деньги после все оказались целы, и на кредитке, и наличные, хотя сумму он в точности тоже не помнил, и даже число нулей вряд ли написал бы правильно, и даже валюту платежа вспоминал как-то неуверенно, скорее всего и суммы такой значительной у него, при всей его небедности не было с собой в наличии, но что расчет случился, и полный расчёт случился – он знал с той же степенью достоверности, как утром, проснувшись в своей постели вы достоверно уверены, что те семеро, которых вы во сне только что зарубили кривым самурайским мечом – лишь сон вашего ночного воображения.

Вот также был уверен и Пётр Петрович, но только наоборот – что это не сон. Впрочем, во сне снилось ему иногда нечто иное: что не хватает ему наличных рассчитаться, и достаёт все наличность жена, причём золотыми монетами – и их тоже не хватает, и тогда им дают какие-то бумаги, точнее

пергаменты, с текстом в свитках и страусиные перья, и чернильницу из серебра подносят люди в тюрбанах, и жена подписывает пергаменты не читая, один за другим, и он подписывает тоже, впрочем, как прочитав, когда все по латыни, и деньги уже не нужны, а сумма, кажется, была в золотых дукатах, но вот этого точно не может быть, потому что откуда тут золотые дукаты, и ему объясняют что отныне он земной гарант сохранности Омофора, и поручился за это своей жизнью, и подписал, и поставлена Печать, и это нельзя отменить, бред какой-то, и вот про это-то всё он точно знал, что это – сон.

Потому что наяву такого не бывает, чтобы деньги не нужны.

Да и жена – разве она подпишет что-то не читая? Со слов? На латыни? Разве такое возможно? Нет, такое решительно невозможно – гнал от себя министр дурные мысли, а когда и если не помогало, то выдворял их вон с помощью вискаря, что есть способ проверенный, надежный и им давно опробованный.

Как бы то ни было, желанное великолепное одеяло возлежало на жёниной постели, и жена была вполне, вполне удовлетворена.

А разве это не стоит мешка золотых дукатов?

Глава Первая, Где Зоя колдует, встречает жениха и потом водит его кругами

Саратов, холодной осенью две тысячи восьмого года, и много ранее

Зоя встретила своего мужа не просто так, а долго колдовала. Жених, разумеется, должен был быть красивым, богатым, здоровым, как у людей положено, и непременно из Москвы. В этом серьезном деле ей были задействованы все методы, средства и силы, а также испробованы подходящие места: и у Чёртова пальца на берегу Волги, и дома в сочельник, и в полночь на вершине Лысой горы, месте ведьмином и ведьмами давно наколдованном, и на Синей горе возле Склона бешеных молний, куда ездила специально в грозу, и даже в парке Пяти Жаб возле Семи Кривых Сосен на противоположном берегу Волги, что Зоя позволяла себе только в самом крайнем случае, так как часто колдовать, по поверьям, там было нельзя, в силу всяких возможных осложнений.

Её недалёкие саратовские подружки чаще всего колдовали у Чёртова пальца на тему женихов, и дуры. Там на верши-

не каменного фаллоса давно пристроился мелкий вредный чертик, такой, хулиганистый и хвост кренделем. Его видно не было, но когда Зоя показывала то было видно, так он, зараза, всё колдовство портил, но если там какая гадость, то пожалуйста, сглаз, порча, мор, любой каприз за ваши деньги, а как скажем порчу снять – так ни фига, ничего не получалось, не говоря уже о том, чтобы жениха хорошего наколдовать. Колдуешь-колдуешь, а всё какая-то мелочь идёт пузатая, настоящей ведьме даже оскорбительная, не жених а так себе, ни кожи, ни портмоне, ни рожи, ни товарного вида.

С чертиком была ещё одна засада: так как место было популярное, он выжидал группу туристов покрупней, и чтобы побольше дур восторженных, и справлял на них сверху малую нужду. «Какое потрясающее место! – восторгались дуры, подставляя ладошки – Солнце, на небе ни облачка и дождик мелкий идёт, смотри, Вась!», и мазали Васе лицо, а чертик хохотал как черт его знает что, и один раз даже с фаллоса так упал вниз, но опять тут же забрался, чёрт такой. Но Зоя всё равно умудрялась там колдовать, выбирала моментик когда чёртик ссал на туристов, но он быстро, и ничего толком не наколдуешь, так, по мелочам. По серьезным делам надо было ехать на Медведицкую гряду, к Синей горе, но больно место было опасное, и оттуда не все возвращались. В общем, вы поняли, какие были сложности.

Колдовство всё никак не действовало и не действовало, видимо, в ритуале были какие-то незаметные изъяны, или волны колдовские до Москвы не доходили, что скорее всего, потому что подружки её из кружка саратовских ведьмочек женихов завидных себе уже наколдовали, а некоторые уже наколдовали и детей. А Зоя всё никак и никак, но, как учил её знакомый полковник дальней авиации: «Длительные адекватные целенаправленные усилия всегда дают результат». Усилия самого полковника, вполне длительные и целенаправленные, правда, результата не дали, точнее не дала Зоя, зато поздней осенью в Саратов по обмену опытом и на СовеЩание наконец приехал высокий гость из Москвы – Пётр Петрович Петров, подходящий ну просто по всем статьям. Оставалось околдовать.

Город Саратов встретил Петра Петровича зыбким ветром с Волги, волной и пеной у причалов. Остановился он в гостинице «Словакия», рядом с речным вокзалом на набережной, в номере люкс с окошками на Волгу, видом на интернет-мост, состоящий из сплошных вэб-адресов вида WWW WWW WWW и, за рекой, на глиссаду секретного стратегического аэродрома, того самого, где служил Зоин полковник, которому она в утешение потом наколдовала генерал-майора.

Зою, как самую мисс-размисс местного Водоканала

немедленно приставили к высокому московскому гостю, чтоб она ему всё разъяснила, всякое водоканальное, начиная с водопроводов древнего города Увек, с родников, бьющих в древние времена у подножия Лысой горы, с паровых качалок и до самой современной современности, и велели совершенно ни в чём гостю не отказывать.

– Ты знаешь, чей он человек?! – строго спросил её начальник нахмутив брови.

– Нет, – честно ответила Зоя потупив взор долу, как полагается скромной и исполнительной девочке.

– Вот и хорошо! – обрадовался Начальник, – Так оно и лучше!

Но ясно было, что московский покровитель Петра Петровича – мужчина серьёзный и влиятельный.

Обсуждение проблем водоснабжения и водоочистки плавно переместилось из офиса вначале в соседний ресторан «Москва» (надо же было наконец пообедать людям по-человечески, а кроме того, это же известный памятник городской купеческой культуры, как объяснила Зоя гостю, а после того как глупые тупые москвичи прихлопнули свой легендарный «Славянский базар» он в стране остался чуть ли не один такой купеческий-разкупеческий), затем, отобедав и выпив вина пошли гулять на набережную Волги, струящуюся всеми

своими четырьмя ярусами вдоль крутого берега реки, благо жила Зоя здесь же, рядом, на набережной, недалеко от работы по адресу Саратов, Набережная Космонавтов, дом 6, что прямо над Речным вокзалом в старом номенклатурном доме 1959 года постройки, где раньше, понятно, абы кого с улицы не селили, но её дед, как большой советский начальнег, имел такое право, и жила она там с рождения на третьем этаже, в квартире с балконом на речную сторону откуда всегда можно было помахать рукой уходящим пароходам.

Так, беседуя, они прошлись вдоль Волги, которая плеснула в них холодным, затем, уже под ручку, по аллее цветов, часть из которых благоухала красным даже в эти осенние дни, затем повернули выше, и, уже держась за руки совсем-совсем ладошками, как мальчик и девочка в детском саду на прогулке прошлись по тенистой аллее третьего яруса, где завывало потише, и так, гуляя, подошли к памятнику Гагарину. Здесь их пути должны были разойтись. Зое – наверх, по лестнице, затем через арку с колокольчиками во двор и домой, Петру Петровичу – направо, в гостиницу. Расходится им не хотелось.

Пару минут они стояли и дышали как два дурака, прямо под памятником, и каждый не мог начать. Наконец, Зоя нашлась. Когда-то давным-давно, в незапамятные времена, ещё в школе, её подруга – начинающая неопытная ведьмоч-

ка поведала ей страшное. Оказывается, если любого парня вначале провести вокруг памятника Влюблённым, в начале набережной. а затем три раза провести вокруг памятника Юрию Гагарину под ручку и всё это непременно против часовой стрелки, он обязательно и всенепременно на тебе жениться. Хочет, не хочет – кранты ему. И хотя никто более из её подруг об этой примете и слыхом не слыхивал – у неё самой не было никаких сомнений в надёжности этого способа. Оставалось проверить.

– Пётр Петрович, – Они были ещё на Вы, – А вы знаете, что если мы три раза вокруг Гагарина сейчас обойдем вам придётся на мне жениться? Примета такая есть, – пояснил она.

– Легко, – ответил Пётр Петрович не задумываясь.

– Жениться... или обойти?

– И то, и другое.

Зоя помолчала с минуту, дыша Петру в каменную пуговицу, затем решительно взяла его за руку и они пошли. И с каждым кругом рука её делалась все теплее и теплее, всё мягче и мягче, а его – всё твёрже и тверже. Завершив третий круг они без какой либо подготовки начали целоваться.

Примета действовала!

И с этой минуты, и до описываемых нами событий они уже не расставались, исключая разве что ночь перед свадьбой, которую провели, как положено, отдельно, чтобы можно было забрать невесту из дому, такую свеженькую, всю в белом, взять выкуп с жениха, как у людей полагается, а невесту спрятать а потом найти, и всё такое, а то не свадьба будет а неизвестно что.

Глава Вторая, Где Зою сватают в Министры, а Пётр Петрович мнётся и сомневается

*Двадцать первое декабря две тысячи двенадцатого го-
да, пятница, после полудня*

Глава Вторая, Где Зою сватают в Министры, а Пётр Петрович мнётся и сомневается

Двадцать первое декабря две тысячи двенадцатого года, пятница, после полудня

...Не успели двое кареглазых таджиков под надзором длинноносого загрузить джутовый мешок с золотым гербом в багажник черного джипа министра, присовокупив к нему также и картину («Мы заметили что она вам понравилась, это подарок от нашего Хозяина», а огонь на картине и правда был зачетный, завораживающий какой-то, он поднимался вначале стеной, затем летел струями, а затем искрами прямо в какую-то бездонную немислимую прорву в небе, словно раздвинутую крыльями огромной птицы, летел как живой, блеск, а рама какая! Плевать на дыру) как раздался телефонный звонок. Звонил ответственный товарищ из Аппарата Президента, его старый знакомец ещё по тем временам, когда они открыли первое в стране частное придорожное кафе «Таверна», на 141-м километре Минской трассе, в те годы, когда говорили: «Куй железо, пока Горбачёв», вот они и ковали.

Товарищ доковался до степеней известных, и самого Петрова давно бы двинул куда-нибудь в губернаторы Засранского или Угрюмского края, но Петров был настолько удовлетворен своим нынешним положением, настолько чувствовал себя нужным людям, особенно некоторым, что запретил ему даже думать об этом. «Слава, – говорил он, – Я в твою тму-таракань в срань-засрань не поеду, мне и тут хорошо», и все оставалось на своих местах.

Мобильник заверещал знакомым: *«Выборы, выборы, депутаты – пидоры»*, сигнализируя, что звонит *лицо весьма значительное*, и Пётр Петрович снял трубку.

– Петрович, такое дело, – начал с места в карьер знакомец, – У тебя твоя Зоя – сейчас где?

– Сейчас работает у меня помехой справа, – удивлённо ответил Министр, – В принципе, справляется.

– Нет, кем она работает в рабочее время, – уточнил товарищ из Администрации, – Что жены делают в нерабочее время я знаю, я сам женат.

Не так давно жена из скромного старшего бухгалтера Саратовского водоканала, пару лет после свадьбы поработав под мужним крылом в финотделе Правительства Москов-

ской области, была удачно пристроена заместителем финансового директора крупнейшей Госкорпорации, совершенно случайно, ровно после того, как этой Госкорпорации потребовалась земля в Московской области. Просто так удачно сложилась, и никто не виноват.

Петрович рассказал, кто.

– Ну, я так и думал – облегчённо вздохнул знакомец, – Опыт работы в гос структурах! Опыт работы в нефтегазовом секторе! Класс. Супер. То что нужно. Будешь мне должен по гробовую доску, понял?

– Может, и буду, – откликнулся Петрович, вырвав на Бульварное кольцо – Обрисуй в общих чертах, на черта тебе Зоя?

Зоя подняла левое ухо, и сделала вид что занята ремнём безопасности. Замок как-то всё не застегивался и не застёгивался, поэтому поневоле пришлось наклониться к мужу поближе.

– В Правительстве перетрубация намечается, Брюнетку съели методом возгонки наверх, Блондинко уходит сама, короче срочно нужны две бабы – срочно две бабы! – на посты министров, будем рассматривать. САМ сказал. Ты понял?

САМ сказал! Готовь объективку прямо сейчас. Быстро! Кто не успел – тот опоздал.

Петрович слушал с интересом. «Не наступить бы кому нить на хвост, – подумалось ему, – Съедят же с потрохами».

– Ты самого главного не знаешь, – продолжил знакомец, – Старик, того-с... уходит. Всё решено только что, вот около двенадцати. Не сработался он с бульдозером.

Петрович засмеялся.

– Слушай, там без моей Зои тяжеловесов своих хватает. Не шути так.

– Делаем сначала замом, затем без особого шума – первым замом, – (знакомец перешел на театральный шепот) – присваиваем Действительного Госсоветника. Потом наш Отмороженный подаёт в отставку, и Зоя Павловна автоматом становится ИО. Затем высочайший Указ – и Министр Финансов – наш человек. Упс.

– Шутишь, да?

– Какие шутки... Там расклад такой. Старик сидел на кассе десять лет. Все реальные люди (ты их всех знаешь) нако-

пили друг на друга мешки компромата. Читал вчера в «МХ» про N...? Это только начало... Короче, они заблокировали друг друга намертво, нужен совершенно новый человек, не из Системы... Им самим нужен, прежде всего... Иначе они там все яйца друг у друга поотрывают, поочерёдно, и с удовольствием.

Петрович представил себе жестких мужиков, каждый из которых по кругу держит соседа за яйца, чтоб тот не дернулся невзначай, и не отпустит ни при каких обстоятельствах, хоть что, хоть небесная твердь рухнет на землю, и ситуация стала ему понятна.

– А вместо кого? Кого будем двигать? Сил-то хватит?

– А, ты ещё не знаешь. Никого уже таки двигать не надо. Всех уже подвинули за нас. Зам министра финансов скончавшись у нас сегодня ровно в полдень, прямо на рабочем месте. Под конец года поработать хотел. Видишь какая польза от трудолюбивых иногда проистекает.

Собеседник сдержанно засмеялся.

– Ты представляешь, Петрович, вот как нарошно сегодня: Только часы пробили двенадцать, ну наверное минут через десять вызывают наверх насчёт двух баб-министров, потом

звонок, что Старик уходит с Минфина, начинаю думать, кого туда толкать, и кого куда двигать, через пять минут звонок – зам министра финансов отошел в мир иной, шикарная вакансия. Просто сказка какая-то. Никого двигать не надо, все сами уходят.

– А, вот ещё, – вспомнил вдруг товарищ, – У тебя Зоя сейчас блондинка или брюнетка?

– Брюнетка. И всегда была, – удивился вопросу Пётр Петрович, – Но если надо можем и перекрасить.

Зоя аж подскочила на кресле, так что стукнулась головой о потолок, и стала набирать воздуха побольше, побольше, чтобы объяснить глупым, что перекрашивать её невозможно ни при каких обстоятельствах, но не понадобилось.

– Отлично, отлично не надо перекрашивать! Блондинок у нас и так перебор, из кандидаток очередь стоит. Тут у нас Премьер ещё в кадровую политику вмешивается, говорит, привык что на заседании у него слева блондинка а справа брюнетка сидит, на Правительстве, требует, топает ногами чтобы так и осталось, а то дескать, работа пострадает, у него там супруга на феншую тронулась, а он за ней.

Ситуация окончательно прояснилось. «Что-то как-то по-

пёрло, – подумал осторожный Пётр Петрович, – Факт попёрло. Это к добру или не к добру?!» – и он задумался об этом, взвешивая риски. Впрочем, долго думать ему не пришлось, так как помеха справа занучтокала.

– Ну что?! – Спросила она уже возмущенно, так как в третий раз, – Ну что там. Что там я?!

– Все очень серьезно, Зоя, – сделал мрачное лицо Министр, – Более чем. Ты знаешь что сегодня конец календаря Майя?

Зоя знала.

– Так вот, через шесть часов конец света Это секретная информация. Всех кому следует знать предупреждают, срочно собираем вещи, и в Бункер. Я с трудом уговорил их чтобы тебя тоже взяли. Но тебе придётся мыть там полы.

Министр сделал длинную паузу, и придал лицу форму кирпича.

Зоя вначале с полминуты ошарашенно смотрела на дорогу, представляя себе, как моет полы в Бункере, а потом долбанула мужу по кумполу, и он понял, что шутка раскрыта.

– Зой, – спросил он просто, – Министром финансов пойдешь?

Зоя помолчала, глядя на дорогу, затем пошарила у мужа в правом кармане, достала пачку жевательной резинки, взяла две мятные, и вместо того чтобы жевать проглотила их.

– Пойду.

И кивнула для верности головой, а потом ещё.

Глава Третья, Мы встречаем Якова Самуиловича, он грызёт печать и рассказывает как пил кровь молодого фельдегера

Двадцать второе декабря две тысячи двенадцатого года, суббота, около десяти утра

...Яков Самуилович появился в доме Петровых как плесень – тихо, незаметно, и навсегда. Избавиться от него было практически невозможно, да никто и не пытался. Тем более, что старичок-то был забавный.

Странности в доме, впрочем, начались ещё до прихода Якова Самуиловича. Не успела Зоя Павловна выскочить из-под края одеяла – того самого, *прижимающего*, спалось под которым, как оказалось, слаще сладкого, и не нужен ночник, так как оно распространяло какой—то янтарный свет, очень приятный и так слегка-слегка, как ноги сразу нащупали ко-та Мардана, а под ним – (Мя-у!) -теплые тапочки, которые не пришлось, как обычно, по утрам, собирать по всей аква-тории, удивляясь, как и кому могла придти в голову мысль разместить их вечером в такой странной конфигурации, что

само по себе было необычно, хотя, конечно, пустяк. Таки-ми же пустяками, впрочем, было и всё остальное. На кухне расцвел кактус, который не цвел все последние четыре года, с тех пор, как был в шутку подарен на свадьбу дальним родственником из Саратова, дядей Женей, ничего больше не сделавшего заметного для Истории, а в доме стоял полный и идеальный порядок, который не смог порушить даже уехавший с утра по делам муж, что само по себе было странно, так как Зоя любила наводить а он нарушать и убежать потом, потому что работа. Размышлять над приятностями, впрочем, проще, чем чахнуть над неприятностями, особенно с утра, тем более таких мелких пустяков в это утро было предостаточно, и Зоя приняла все это с чувством человека заслужившего всякие мелкие радости потому что жизнь сложная и почему бы нет.

Зоя Павловна вдумчиво полила разродившиеся сразу семью роскошными цветами колючее растение, поощряя его к дальнейшим славным свершениям словами (один цветок наверху, и по три с каждого края, ровной лесенкой, совершенно роскошно, словно садовник, в которого наконец-то влюбились, решил сделать даме приятное), когда её занятие икибаной прервала мелодия домофона.

– Откройте, Зоя Павловна, вам пакет, – раздался в трубке слегка грассирующий голос, настолько приторно вежли-

вый, что было понятно, что с его обладателем лучше не связываться, себе дороже. Зоя, которая, в общем, привыкла, что последние годы ей по почте ничего, кроме рекламы не приходит (и ведь шлют, заразы, заказными письмами, денег им не жалко) решила было отказать, и вообще пусть кидают в ящик, но вместо почему-то этого ответила: «Входите» и нажала белую перламутровую кнопочку.

План «*Взять, расписаться, и закрыть дверь*» также провалился. Во-первых, запропастилась ручка. Во вторых, пакета, при ближайшем рассмотрении, оказалось два, причём один из них был перечеркнут по диагонали красной полосой, с надписью «Правительственное», и скреплён большими сургучными печатями Фельдъегерской службы, почему-то сломанными, и даже какие то верёвочки болтались, а второй конверт, серого пергамента, оказался на иностранном языке, весьма лохмато обклеенный марками очень странных государств и княжеств, на котором острый Зоин глаз, просканировав первый ряд, успел обнаружить марки Ватикана, Княжества Лихтенштейн, Герцогства Швабия, изображение Его Светлости принца Монако Альбера Второго из дома Гримальди на Северном Полюсе в окружении семи собак, и марку, повешенную пятой победе Михаэля Шумахера на Гран-при Монако в 2001 году.

Подивившись богатству филателической мысли, Зоя Пав-

ловна не углядела, как утренний гость, словно растворившись из прихожей, материализовался за её спиной, в гостиной, расположившись в её любимом кресле у камина.

– Проходите, проходите, Зоя Павловна, – наглейшим образом програссировал незнакомец сзади, из гулкового зала, с потолками ростом в три этажа, камином и лепниной, из которого отрывался вид на можжевельниковый сад и каменную горку с фонтаном и водопадом, замёрзшим по причине зимы.

Зоя, теперь уже совершенно уверенная, что сейчас вышвырнет непрошеного гостя вон, прищипорила коней, и решительными шагами – цок-цок-цок (муж бы точно понял злое значение *именно этого* цок-цок) – в общем, шагами, от которых, как от шквала в полдень, не стоило ждать ничего хорошего, влетела в гостиную. Яков Самуилович – а звали его именно так – нагло, и причём удобно расположился в её любимом насиженном месте, широко закинув ногу на ногу.

– Я попросила бы вас! – решительно начала слегка взбешенная хозяйка, но замолкла на полуслове, словно приклеившись взглядом к подошве ботинка утреннего гостя, где, вместо протектора обнаружился горельеф древнейших средневековых орденов и стертые надписи вокруг них.

Как большой любитель старины и магии Зоя не могла не спросить, что за...

– Я вижу вы немного удивлены, Зоя Павловна, – не спеша начал гость, – Я должен вам кое-что объяснить. Так что же вы меня попросите... простите?

Тут следует остановиться и описать его наряд, несколько необычный для наших последних времён. Вышеупомянутые башмаки светлой кожи с тиснеными мелкими рисунками каких-то мистических сюжетов покоились на довольно толстой резной сандаловой подошве, обитой по контуру золочеными гвоздиками, как банкетка в цирке, а сюртук, напоминающий костюм Петра Первого надетый им утром 4 января 1700 года, открывал в портном несомненный талант ретродизайнера. Это был скорее камзол, из камлота ангорской шерсти, глубокого темно-вишневого, почти черного цвета, заметно приталенный, с небольшим раструбом на рукавах и длиной почти до колен. Рукава и карманы, были пришиты к данному камзолу тесьмой из конопляной бечевки прошитой толстой золотой нитью.

На коленях гостя лежала кожаная папка с гербом, на котором в центре угадывалась стилизованная свастика левого вращения, обрамленная золоченой звездой Давида, и слегка стертый девизом «*Imperare Orbi Universo*» набранным готи-

ческим шрифтом.

– Я буду курировать вас от Мирового Правительства, Зоя Павловна, – будничным голосом, как о чём-то само собой разумеющемся произнёс гость, – Чтобы по первости Вы не наделали глупостей. Да, в конверте – Указ о назначении вас заместителем Министра Финансов, и руководителем Комитета по ценным бумагам и финансовым рынкам.

– Что-то я не вижу фельдъегеря. Который должен был это принести. А не вы, – обнаружила знание процедур Зоя.

– Фельдъегеря? Ах, фельдъегеря... Мы его убили. Это раньше, знаете, ли мы по старинке пили кровь христианских младенцев. А сейчас мы на Хануку и Песах отлавливаем по фельдъегерю, иногда двух, и выпиваем их кровь.

Яков Самуилович взял конверт и погрыз на неё печать, показывая, как они пили кровь молодого румяного фельдъегеря.

– Это молодые крепкие парни. Вы не представляете, как это полезно!

Выдержав звенящую театральную паузу, Яша (позвольте его теперь так называть) рассмеялся своим неподражаемым

грассирующим смехом.

– Это шутка. Фельдъегерь к вам придет на работу, в понедельник. Здесь копия, которая пришла нашему человеку в Правительство. Да вы присядьте, присядьте, Зоя, право... «В ногах-то правды нет, но нет её и выше», как у вас говорят?

Выяснить, где нет правды в этом сеансе удивительных историй не удалось, так как в калитку снова позвонили.

«Шумел, горел пожар московский, – запел звонок мелодию забытой песни, – Зачем я шел к тебе, Россия, Европу всю держа в руках...»

Но отвечать на наполеоновский вопрос было некогда – шторы пришли.

– Ах, – засуетилась Зоя, – *Это же мастер...*

– *«Судьба играет человеком, – проявил удивительное знание русской песенной культуры ранний гость, – То вознесёт его высоко, – внимательно посмотрел он в зелёно-голубые глаза Зои Павловны, словно не договаривая главного, – То в бездну бросит без следа»...*

Но Зое некогда было на намёки. Как раз в это странное

утро в её уютный особняк должен был навеститься обмерщик, так как на окна Главного каминного зала (был ещё и Малый) были задуманы новые шторы. Зал этот, надо сказать, соединял разом все три этажа здания, а заканчивался наверху стеклянным фонарем в форме египетской пирамиды. Семь высоких окон, из которых то что по центру было выше остальных, а потом пониже и ещё пониже, выходили в можжевельный сад (только розы и можжевельники, среди каменных горок красного гранита и мраморных дорожек, и более ничего, скромный минимализм). В проёмах между окнами на массивных позолоченных цепях были повешены подсвешники и светильники из страусиных яиц покоящиеся в резной золотой оправе, точно такие, как Зоя видела в монастыре Святой Екатерины на Синае, в одном из самых древних на Земле православных храмов. В храме этом, где растёт Неопалимая Купина и до сих под действует колодец Моисея, из которого тот поил свой стада случился также случай, позволяющий лучше понять за кого Зоя вышла замуж. Муж тогда на минуту исчез, и вскоре появился с блеском в глазах, как у пятнадцатилетнего мальчишки. Зоя подозрительно посмотрела на него косым супружеским взглядом.

«Что-то стырил, – подумала она, – Точно что-то стырил. По глазам вижу».

Оказалось, что лучше бы стырил. Петров наклонился к её

завиткам на виске и громко-громко зашептал:

«Я в колодец Моисея плюнул».

Почему после этого нехорошего поступка следовало так радоваться Зое было не понять, так как она была девочка, причем послушная. Но – следует это признать – её всегда почему-то влекло к нехорошим дворовым мальчишкам сотворяющим всякие хулиганства, и она даже прыгала с ними с гаражей, а ещё потом со стройки с третьего этажа в кучу песка где оказался камень, отчего у неё на голове навсегда осталась отметина заботливо прикрываемая челкой.

«Так что ты, Петров, у меня не первый лежачий камень в жизни», – говорила она мужу, когда была в хорошем настроении.

Муж, который был тот ещё хулиган, и, несомненно, ободрал бы и растущую там же Купину Неопалимую на букеты, но умные монахи предусмотрительно огородили это место, и бдили.

– Будешь наказан, – сказала она мужу строго, – Тебя накажут за это.

– Кто?! – удивился муж, – Никто ж не видел.

– Кто надо, – ответила жена, – Кто надо видел. Будешь

гореть, а тебя черти будут смолой поливать. Хочешь, фреску покажу? Там ты есть.

И они пошли смотреть фреску, а после и совершенно забыли об этом случае. Но тут вдруг вспомнилось все разом, и даже то, что с привезенного тогда с Синая барабана ни разу не стиралась пыль, и надо бы стряхнуть.

Посмотрев вверх мастер поцокал языком и достал лазерный дальномер.

– Двенадцать метров в высоту, – пояснил он, щёлкая что-то на калькуляторе, – Семь окон... Это будут ... – Он показал получившуюся сумму хозяйке. Сумма эта, равная цене небольшого авто слегка удивила заказчицу, Но при госте торговаться было неудобно.

– Это же натуральный шелк, – попытался развеять сомнения хозяйки мастер, – Это дорого.

– Хорошо, пишите счёт, но муж его проверит, – холодным голосом сообщила она.

Утренний гость, кажется, только и ждал случая подать голос.

– Не кажется ли вам, Зоя Павловна, что натуральное золотое шитьё было бы более уместно в вашем нынешнем высоком положении?

Старичок опрометчиво вторгся в ту заветную область отношений жён и штор, куда вторгаться не позволялось никому. Право выбирать шторы было отвоёвано женщинами в тяжёлых классовых боях, и такой стратегический плацдарм так не сдают.

Зоя смерила наглеца взглядом, который мог бы удавить удава, и постаралась промолчать, но не вышло.

– Вы играете с огнём, – предупредила она не в меру распоясавшегося гостя подтвердив сказанное движением ладони левой руки сверху вниз рассекающей голову нахала пополам как арбуз.

– Ах нет, Зоя Павловна, увольте, с огнём на этот раз играете вы... Но кто же знает, что порох, пока не упала свеча.

Зоя не нашлась, что ответить.

– Мы бы, конечно, клали соломки погуще, там, где бы упали, если бы знали заранее, где упадем, но тогда, увы, нас в этом месте ждал бы не лёд, а пожар... Бог у нас большой

шутник, верно? Впрочем, что это я разговорился. Разговору пустое. Запал и порох, Зоя Павловна, нельзя разлучить, можно лишь отсрочить это свидание.

Яша ненадолго замолчал, что всегда давалось ему с большим трудом, и грустно покивал головой, словно зная что-то такое, о чем не мог говорить.

– Я хорошо знал вашу прабабушку, Фамарь Моисеевну – наконец продолжил Яков скомканною шторами беседу, – Очень хорошо знал.

Зоя, которая помнила, что прабабку вообще-то всегда звали Тамара Михайловна, не стала возражать. Фамарь Моисеевна, так Фамарь Моисеевна – по сравнению со всем, что случилось в это утро это были такие пустяки.

– Фамарь Моисеевна, зачем же вы сомневаетесь, родом из Польши, львовская мещанка, крещеная в Саратове для своего замужества с дворянским сыном, от которого была тяжела уже вашей бабушкой, нашедшая счастье с этим очаровательный чернобровым юношей, названного за этот брак отцом Иудой сраным, и проклятого за их помолвку, и затем лишеного отцом всякого наследства...

Всё совпадало, кроме имени. Решив пока не связываться

с разбором туманной саратовской генеалогии, Зоя наконец поняла, что её беспокоило в этом визите, кроме гербов на подошвах незнакомца, о которых она решила спросить позже и отдельно.

– Вы мне вот что объясните. Яков. Как же вы сюда прошли, в наш посёлок, без пропуска?

Зоя Павловна склонила голову ожидая объяснений.

– О, это так просто, Зоя Павловна. Вы конечно помните Вольфа Григорьевича Мессинга, уроженца Голгофы, Кальварии, и великого представителя гурских хасидов. Нашего человека, который работал с Эйнштейном, Фрейдом, Ганди, с Марлен Дитрих, через которую знал весьма многое, с маршалом Пилсудским, и наконец, со Сталиным. Помните тот самый случай когда он прошел к Иосифу без пропуска?

Это не сложно, все мы умеем это, возможно, без такого блеска, с каким это делал Вольф. Как? Вы смотрите человеку в глаза – важно чтобы он оторвался от своих бумажек и наконец посмотрел вам в глаза, вот так смотрите – (Яша показал глазами как) – и после этого он верит во все, что вы ему скажете. Вы протягиваете ладонь и он видит пропуск. Вы велите военному отдать вам честь как генералу – и он отдаёт вам честь как генералу. Наконец, вы велите женщине

раздеться – и она так раздевается!!!

Яша торжественно воздвиг руки к небу намекая что на то тоже есть воля Всевышнего.

– Шучу, шучу, шучу, – опять засмеялся он своим неподражаемым слегка картавым смехом, – Шучу. Ох уж, эта молодость...

Зоя Павловна умерила строгость взгляда.

– Итак, Мессинг... Впрочем, вы вскоре встретитесь с ним и спросите всё сами. Он научит вас таким вещам!

– Мессинг? Он же умер сто лет назад?!

– Я вас умоляю Зоя Павловна, такие люди не умирают. Они лишь уходят в тень.

Глава Четвёртая, Где появляется Иван Егорович Светлогоров, Бомж и Мыслитель

Двадцать второе декабря две тысячи двенадцатого года, суббота, около полудня

День определённо был беспокойным. Не успела осесть пыль, поднятая с половика золочёными туфлями Якова Самуиловича, как в огромное 12 метровое окно каминного зала прилетел снежок и налип на нем на уровне второго этажа. Тут сомнений быть не могло: у ворот стоял известный на всю округу бомж и мыслитель Иван Светлогоров. Бомж он был вполне условный, где-то он всё таки жил, просто никто не знал где. «Где налыют, там и Родина» – любил повторять Иван, выказывая знание пьес пролетарского писателя, и был готов заснуть после угощения хоть на коврике.

Зоя даже обрадовалась – хоть кому-то надо было выплеснуть её переполнявшее, а подруги на это категорически негодились, ибо чем выше взбиралась Зоя по лестнице, идущей вверх наискосок тем более понимала какие тупые курицы окружали её добрую половину жизни. Однако муж мудро пояснил ей, в ответ на открывшийся ей ужас жизни, что это

нормальная и типичная ситуация, что менять одних тупых куриц на других тупых куриц – это неправильная кадровая политика и следует работать с тем персоналом который есть, и Зоя смирилась. Курицы остались на своих местах, и всегда готовы были выслушать монолог под заголовком: *«Какой муж гад, и как он ничего не ценит, что я ему»*, но не рассказывать же им, право, про Мировое Правительство, Якова Самуиловича со свастикой на золочёных туфлях и Власть над всем Миром.

А любовника у Зои-то и не было, чтобы терпел её рассказы не запоминая, вот какая незадача.

Бомж Иван Егорович чудесным образом подходил на роль собеседника, особенно про Мировое Правительство, так как слыл изрядным философом и знатоком геополитики. Поговаривали, что это именно он писал лидерам наших парламентских партий их патриотические книги, объясняющие каким образом и насколько глубоко их партии любят Русский народ, и почему он, народ, должен быть им за это благодарен. После гонораров Светлогоров исчезал на полгода-год, обретаясь по Парижу, Риму, Лондону, Мадриду, а также по Афинам и прочим Венециям и Флоренциям. Истратив там все деньги Иван возвращался и снова становился популярным VIP-бомжом – до следующего гонорара.

О своих путешествиях Иван был готов говорить часами, рассказывая о своих разговорах с людьми, которые в обычной жизни окружены тремя рядами охраны. Вершиной этих историй была его беседа с папой Римским, с которым они говорили более часа, вместе с ещё одним бомжом, который их и познакомил, так как он был ватиканский и всех там знал, и прием у Английской Королевы в Букингемском дворце, где та лично показывала ему предметы старины и сакральные символы Британской Империи в тех залах, куда обычных людей не пускают вовсе, а необычных – только по праздникам. После этих рассказов, разумеется, слушатели переставали верить и во все остальные истории, но Ивана это несколько не смущало.

«Заходи» – скомандовала Зоя по интеркому и открыла дверь гаража. На гараже, впрочем, надо остановиться отдельно. Дело в том, что в её муж и глава семьи проводил там определенную, пусть и небольшую, но важную для него часть жизни, и попозже мы поясним, почему. Поэтому всё было сделано культурно – стены белого мрамора, гранитный пол, резные колонны а также Уголок, отделённый от промзоны балюстрадой, где на подиуме стояла небольшая мраморная беседка с фонтаном посередине.

Уголок этот появился исключительно стараниями Зои. Пожив немного с мужем в этом доме она заметила за ним

странную привычку – вернувшись домой, он поднимался из гаража наверх не ранее чем через полчаса, а на вопросы: «Что ты там делал» не давал никакого определённого ответа, кроме: «Ну я там это... да отстань».

Пришлось применить наблюдение и установить факты. Всё оказалось более чем банально: её супруг, Пётр Петрович Петров, министр Московской области, Лицо, дружное с парой Вице-премьеров Правительства России, живущих по соседству после возвращения с работы выпивал и закусывал. Прямо в гараже, за рулем автомобиля.

Всё было так серьёзно, что даже любимый Зоин кот Мардан, в девичестве Василий, поняв, где вечером живут добрые люди не жалеющие хорошему коту колбасы вскоре переехал в гараж, и никакими коврижками было невозможно выманить его назад в дом, так что ему даже пришлось сделать там, в воротах, отдельную дверку для кота.

– Ты так наставишь пятен! – попробовала возмутиться Зоя, на что неизменно получала ответ, что пьёт он только в салоне «Тайфун Ультимэйт», а он спортивный, практичный, и легко моется – там же карбон кругом. Просто кругом карбон. Я же не пью, – оправдывался муж, – в «Zagato Coupe», например...

Жена знала на самом деле, что пьёт муж обычно вовсе не в Тайфуне, а в салоне Роллс-Ройса, очень старого, «королевского», купленного по случаю в Дубае, куда Министр как-то сдуру поехал с супругой отдыхать. Делать там солидному человеку было совершенно нечего и он от скуки нашел его и купил, очень-очень раритетного, старого-старого, но с пробегом всего в 414 великобританских миль с самого момента покупки неизвестным Первым покупателем.

Машина была с историей и хорошо побродила по Заливу между шейхами, эмирами и их отпрысками. Из того что рассказал продавец стало известно что вначале этот бордовый «Phantom» был подарен от имени одного очень влиятельного лица, имя которого осталось неизвестным, эмиру Катара Халифу бин Хамаду в тот самый момент когда тот находился на отдыхе в Швейцарии, но тот вскоре, буквально через пару дней был свергнут с престола, и авто долгое время стояло в гараже его нового друга, того самого который и подарил эту машину эмиру, на старой вилле возле города Лугано. Продавец уверял, клялся мамой и дважды пытался даже вырвать свой золотой зуб что весь пробег это машины, все эти 414 миль и были пройдены тогда же, в Швейцарии около Лугано, на покатушках вместе с незнакомцем-дарителем, которого всё-таки кажется завали мистер Баавал, или как-то так, похоже, а после на машине уже не ездили, а лишь перепродавали. Также было известно что из Швейцарии Роллс-

ройс попал к члену правящей династии Кувейта, шейх Базелю аль-Сабаху, но тот вскоре был застрелен другим шейхом во время дружеского обеда, которому как раз только что эту машину и продал, и они сели немножко это дело отметить, но повздорили о цене, и шейх получив на второе пять пуль в живот вместо оплаты, а покупатель этот, Шейх Фейсал Абдалла аль-Джабер ас-Сабах тоже долго злополучной машиной не владел, так как был вскоре повешен за совершенное злодеяние, и тогда машину купил старший сын эмира Дубая Рашид ибн Мухаммед аль-Мактум, и увез к себе, но тому гадалка потом тоже нагадала такое, страшное, что-то в духе «...И примешь ты смерть от коня своего», и Роллс-Ройс снова выставили на торги по очень, очень сходной цене, если считать в миллионах долларов. Тут-то эту редкую машину и купил Пётр Петрович.

Вся эта мутная история выглядела странно, ездить на Роллс-Ройсе Пётр Петрович категорически не собирался, рассматривая его лишь как вложение капитала, в приметы не верил, поэтому давно забыл что там нагадали ибн Мухаммедычу, очень нам важны эти суеверия средневековые в наш просвещенный век.

Чтобы не сбивать спидометр Пётр Петрович не ездил на Фантоме вообще, сдувал пылинки и шутил, что гроб ему теперь не нужен, в нём и похоронят, но главное там был

бар, нет, не так, там был Бар, с хрусталем, серебром и драгоценными камнями, сделанный когда-то в Швейцарии на заказ и стоивший тогда больше самого этого Ройса, и где как не там, место же царское. Но почему-то Зоя решительно не могла за Ройс ругаться. Он стоил уже столько, что ругаться было положительно невозможно, это по мелочёвке можно бухтеть, но вы же не станете ругаться, например, за застолье на яхте ценой за сто миллионов? Есть границы, за которые осуждение не переходит, там замочек и цепочка золотая висит.

– Ну да, конечно, ты БМВ чисто из экономии купил, понимаю, – бухтела жена, с тем же результатом, который вызывает бухтеж всех остальных двух миллиардов жен в мире, то есть с никаким, – Отдал полмиллиона евро чтобы пятен не оставлять, да. Зато пятен нет. Карбон. Заебись!

Муж молчал.

– Ну зачем, зачем ты это делаешь? – не выдержала наконец супруга, – В доме есть всё! Барная комната! Прислуга. Всё есть! Почему в гараже?! Па-че-му? Отвечай на мои вопросы!!! Ватакуси-но! – В руках Зои, казалось, появилась символическая катана.

Есть натиск, после которого сопротивляться бесполезно.

– Ты знаешь, Зоя, что у меня тяжелая нервная работа, – наконец попытался объяснить супруг своё плохое поведение (ибо всё что не нравится жене уже есть плохое поведение).

– У меня тоже! – немедленно обозначила тактическую позицию супруга.

– У тебя работа бумажная, а я работаю с людьми, Зоя. С людьми, будь они неладны. А эти люди, будь они неладны, способны за день из святого сделать лучшего карателя Освенцима. Ты знаешь моё прозвище – Король?

Зоя конечно знала, с тех пор как её все в глаза и за глаза начали называть Королевой – с разными интонациями, иногда спорными.

– Знаешь. Но ты не знаешь над чем я король. Я король над миллионном километрах ржавых труб. Я король над десятью миллионами кранов, из которых медленно капает ржавая вода, из этих труб. Я король над всей сранью, которая вытекает из ста тысяч сраных домов. На всё моё королевство каждый год высыпает сто миллионов тонн снега. Который надо куда-то девать – сто миллионов тонн, Зоя! Сто миллионов тонн вот сюда, на мою плешь! – он постучал себе по затылку. Мне подчиняются около ста тысяч человек – пря-

мо, косвенно – подрядчики, субподрядчики хренподрядчики, и прочие, и прочие, и прочие. Все это ржавое хозяйство каждый день портится, ломается, ломается, воруется. Каждый день в моё королевстве на промысел выезжает десять тысяч опытных трактористов-бульдозеристов и прочих сраных забивателей свай. Они выезжают Зоя, каждый день выезжают, они копают, они долбят, они сверлят с единственной целью найти и порвать мне кабель или надломить мою трубу. Я добрый, спокойный человек, Зоя. Но чтобы всё это работало мне нужно каждый день унижить и растоптать в пыль сто человек – вот так растоптать!

Муж потопал ногами и показал, как надо правильно топтать и затем вытирать об растоптанных подчинённых ноги.

– Иначе всё пойдет прахом, всё!

– У меня тоже в Саратове было много ржавых труб, – попробовала возразить Зоя, смущенная таким напором, – но я же...

– В Саратове, любимая моя мышка, – нежно ответил супруг, – народ знает, что Царь далеко, а Бог высоко. А у меня царь вот он, рядом. Царь каждый день по моим дорогам дважды проезжает. У меня министры с ложечки едят. Я им золотые яички несу. Как курочка-ряба, ёпа. Вот и сравни-

вай. В общем, не могу я в таком виде, растоптав сто человек придти, и там топтать тебя. Я тебя слишком люблю, крошка моя. Мне надо успокоиться, слегка накатить вискаря, порезать колбаски... А потом к тебе. Ну ты же понимаешь.

На следующий же день был вызван архитектор, построивший здесь полпосёлка, который и устроил это восточное резное чудо белого мрамора прямо в гараже. *«И фонтан, фонтан в середине не забудь, он хотя бы руки иногда помоеет»* — напутствовала Зоя архитектора.

Дело кончилось тем, что над колоннами гаража был устроен Архитрав, украшенный 12-метровым мраморным барельефом греческого стиля, где молодые люди в сандалиях и в тогах с мечами рассекли на модных мотоциклах и катали красивых девушек в открытых кабриолетах и спорткарах, а дамы с обнаженными грудями, томно расположившись в позе неги и томления чатились друг с другом держа в руках легкие наладонники (воспользуемся этим давно устаревшим словом, бывшим в ходу на момент создания этого архитектурного шедевра). В самом углу фриза, над беседкой, размещался лимузин из которого торчали четыре ноги, две мужских и две женских, на которых с вершины беседки недоуменно поглядывала смущенная птица Феникс, готовая сгореть от стыда.

Все получилось крайне удачно: с учётом состава машин гаража Министра (а он порожняк не брал) в этом месте было теперь можно не только закусить на подножке джипа, а собрать саммит G-8, и было бы не стыдно.

Теперь, когда мы всё знаем про Гараж (не могу теперь писать его со строчной буквы), понятно, почему Зоя Павловна всегда принимала бомжа Ивана именно в этом месте: ну не звать же в дом.

– Заходи, Мыслитель, – приветствовала она шумное большое тело философа, который просачивался в дверь в своей нелепой разнокалиберной, но впрочем элитной одежде (а в поселке другой не носили), собранной с миру по нитке.

– Будем предаваться размышлениям. Вы же у нас Великий русский Мыслитель, не так ли?

– Вы не находите, что выражение «Великой русский Мыслитель» звучит как-то... странно? – Иван Светлогоров подбоченился так, словно собрался заправить вышитую косоворотку в льняные портки.

– Я понимаю, великой немецкий мыслитель, парижский просветитель, лондонский наконец... Но русский? Это знаете, как бы вышли сразу три конференсье, и сразу на трёх язы-

ках объявили: «На арене цирка – Русские Мыслители! Алле-гоп! Апп-ладисменты!!! Апп—ладисменты, господа!!!»

– Нет, Я понимаю, русский солдат, – тут ни у кого вопросов не возникает. Великой русский ученый? Треть всех великих дел, если покопаться, родом из России. От крекинга нефти до лазеров, от атомных электростанций до первой посадки на Луну. Но великий русский мыслитель – это, простите, оксюморон в синюю полоску. А знаете, почему? – Иван торжественно обвёл глазом аудиторию. – А вот почему...

Он тяжело выдохнул, утомленный вниманием, не стесняясь сам открыл холодильник, обезоружив Зою фразой «Это у вас водочка? Я, пожалуй, выпью рюмочку», (потом Зоя сходила в театр и узнала, откуда это) нацедил себе рюмочку из запотевшего хрустального графинчика, и удачно подцепил на вилочку кусок буженинки.

– А вот почему, – продолжил мыслитель освежившись, – Немецкий профессор веками сидит у себя Университете и Мыслит. Раз в месяц он приходит за жалованьем, и потом мыслит дальше. Он родит себе подобных, порождает династию детей кампуса, студентов, которые с молоками Учителя впитывают, что если ровно сидеть в Университете и Мыслить – то потом каждый месяц можно приходиться за жалованьем.

В России все не так. Жалованье там платят лишь затем, чтобы на него жаловаться, и то не всем. Чтобы выжить, российский профессор вынужден брать уроки на дом и брать оплату за зачёты деньгами и натурой. Но этого мало. Придумав что-либо, русский мыслитель не может и пяти минут просидеть на попе ровно, и хотя бы дождаться очередного жалованья – он немедля бежит осуществлять мечту человечества.

Человечество ещё даже не в курсе, а его мечта уже в работе.

Поэтому, услышав: «Великий русской мыслитель» следует немедленно оглянуться, осенить себя крестным знаменем, и проверить периметр – вдруг уже взрывают. Возможно, это новый Кропоткин, и, согласно его новому прогрессивному учению для счастья всего человечества именно здесь, именно в это месте, и именно в это время следует что-нибудь чудовищно красиво взорвать.

За окном, с соседнего участка вполне своевременно раздалась канонада салюта.

– Вот видите, я же говорил! – обрадовано вскричал Иван, явно энтузиазированный такой иллюстрацией своих пророче-

ских слов. – Запомните: Пока три поколения русских профессоров не просидят в Университетах, не делая больше ничего, повторяю по буквам – НИ-ЧЕ-ГО – Николай, Игорь, Харитон, Ульяна, Яков – никаких ваших «великих русских мыслителей» у нас не появится, а будут одни буйные анархо-синдикалисты вдоволь перемешанные нашими домашними подлецами.

А значит...

Иван не успел объяснить что это значит, так как с улицы раздалось громкое:

*«Солнышко, солнышко жгучее (бум-буцм-бум)
Колючки, колючки колючие... (бум-бум-бум)...»*

...дверь гаража тихонько заскрипела и под напевку детского хора и диджейский микс в светлицу вкатилось Свет Красно Солнышко муж.

– Привет моя Отын-биби, – изрекло Красно Солнышко, – Я на минутку. Привет, Иван Егоров.

Иван было протянул руку для рукопожатия но не встретил взаимности.

– Ну как там русский народ, Иван, какие проблемы есть, – спросил министр тоном, который не предусматривал развернутого ответа.

– Едем в Чехов, там мостовой переход будем закладывать, а потом я устрою им там Освенцим на месте их полигона в Кулаково.

Муж потёр руки, предвкушая образцово-показательную расправу.

– И ещё там детский санаторий будет, там надо организовать хор. И ещё потом совещание. Короче, там и заночую, – улыбнулся Министр и исчез, жуя на ходу и не прощаясь, подняв за собой небольшой вихрь.

Мыслитель немного постоял, глядя на дверь вслед поднятому министром вихрю и опустил снова не пожатую руку.

– До свидания, Пётр Петрович, – наконец сказал он в сторону закрытых ворот. Ворота, прочем, ничего не ответили философу.

Затем Иван Егорович Светлогоров, позамирав немного оживился, выпил ещё водки, потом ещё, и ещё... И наконец, вытаращил глаза и сказал:

– Иду я, вот, Зоя Павловна, и вижу: маленькая – маленькая девочка – совсем маленькая – чистит большую, большую чёрную машину. Маленькая девочка – чёрную машину. И представляете, чем она её чистит? Представляете?!

Зоя Павловна не представляла.

– Своей щёткой. Своей щеткой! Маленькая девочка... Как, как мы это допустили?!

Иван Егорович заплакал.

Зоя поняла, что наливать Ивану Егоровичу больше не стоит.

– Я вот тут прилягу, Зоя, – показал Светлогоров на половичок, – Вот тут, как будет чудесно...

Поняв, что сдвинуть тушу мыслителя без помощи двухтрёх дворников не получится, Зоя смирилась.

Половичок так половичок. В конце концов, не зря же его здесь постелили. Главное, чтобы муж случайно не задавил вечером мыслителя.

Вспомнив супруга Зоя Павловна вздохнула.

Зоя, как и любая женщина, иногда перегибала мужу палку. Муж, как заядлый телец терпел, затем долго терпел, затем терпел ещё, но всему есть предел. Действуя свои острым и слегка раздвоенным в этот момент языком она могла за пять минут как довести мужа до белого каления, так и приголубить потом, без всякой паузы, иногда чередуя процедуру этой закалки неоднократно, действуя в своих корыстных женских целях а иногда и просто так, для тренировки.

Вначале муж топал ногами и пытался доказать что он тут главный, но потерпев в очередной раз полное и абсолютное фиаско, с топотом, от которого иной раз дрожали бетонные перекрытия дома отступал в гараж, где, не сразу попав ключом в замок зажигания заводил свой самый быстрый кар, и, под рев спортивного мотора, раскручивая его до самой красной черты а то и больше скрывался в ночном тумане.

Там, в тумане (почему-то в этот момент всегда был туман, загадка) он долго летал по прилегающей трассе, распушивая попутных дачников своим киловатным светом и грохотом музыки, и иногда доезжал даже до деревни Ершово, где рядом находилась воинская часть ПВО в которой он когда-то служил срочную. Там, стоя перед воротами украшенными эмблемой сделанной ещё к Олимпиаде—80, когда

часть маскировали под пионерский лагерь от иностранных шпионов, он успокаивался, вспоминал былое, свой карабин СКС АР-557, номер которого до сих пор помнил наизусть, огорчился, что забыл номер противогаза а также то, что в казарме, путь и с лучшими на земле друзьями все равно хуже, чем дома с женой, путь даже жена и ведьма местами, но ладно ведьма, зато красивая, и вообще.

Так уговорив себя, он возвращался домой, уже без рева а тихонечко, на холостых (фырь-фырь-фырь) заезжал в гараж, там немного выпивал, а иногда даже и множечко выпивал, а Зоя уже лежала в постели и слегка волновалась, не перегнула ли она на этот раз палку мужу *черсчур*, но в ночи и полной надмосковной тишине наконец слышала шум гаражных ворот и волновалась затем уже о другом

А потом они возлежали на ложе, и она возбуждающе шептала ему на ушко: «*Петенька, мой петушок...*» и трогала за самое дорогое, а он в ответ тоже шептал таким таинственным нежным шопотом: «*Мышка моя розовая, любимая моя поросёночка...*» и кончиками шероховатых пальцев тихонечко исследовал бюст, хотя и знал там все пупырышки наизусть, но мало ли, надо же проверить, мало ли что.

И оба были совершенно, совершенно счастливы.

Глава Пятая, Где мы узнаем как стать ведьмой, и что будут если в Крыму вместе колдуют двести лучших колдунов

*Лета одна тысяча девятьсот девяносто четвёртого
года, Крым, Гурзуф*

Ведьмочкой Зоя стала не просто так, а в Крыму. Дело было так. Как раз в этот год, а дело было где-то в середине 90-х, и Зое как раз недавно исполнилось 14 лет, тётушка вдруг заявила, что это они всё в Счастье и в Счастье, не надоело ли ей Счастье, и ей уже четырнадцать и пора от счастья-то отвыкать, и они поехали в Крым, не сказав даже маме.

Потом они конечно позвонили и сказали, что мы в Гурзуфе, устроились хорошо и все в порядке, но это потом. А пока они поселились в доме 19 по Ленинградской улице, повыше немного от приморского домика Антона Павловича Чехова, которого тётя очень уважала, в старом-старом доме, в комнате с отдельным входом, где первый этаж был поднутрён прямо в скалу, упираясь глухой стеной в Ленинградскую улицу, а на сторону моря выходила крохотная кухня-веранда, и бы-

ло там поэтому всегда прохладно даже и без всякого кондиционера, умели же раньше строить.

Хозяйка, как оказалось, работала в местном Водоканале, как и Зоина мама, целыми днями пропадала на работе, и они были предоставлены самим себе, ходили на чеховский пляжик по дорожке налево, или на городской – направо, а по дороге надо было обязательно почесать-почесать-почесать самого толстого в мире кота, обитавшего в соседнем доме, который не возражал.

Потом они ездили на троллейбусе в Никитский ботанический сад, где Зоя фотографировалась в бамбуках и даже вырезала там на стволе, ловко орудуя пилкой для ногтей «Зоя», сердечко и имя одного мальчишка по которому в тот момент временно сохла, а затем, у пруда с лилиями где торгуют сувенирами, у прилавков, они встретили двух молодых женщин, в которых невидимой третьей ноздрей Зоя тут же почувяла своих, саратовских, и оно так и оказалось. Более того, и жили они, как оказалось, поблизости – девушки на Московской, около ресторана Москва, и Зоя – на Набережной, и даже учились одно время в одной школе, только Зоя тогда в первом классе, а они – в десятом.

– Ой, мы тебя помним. Помним! – закричали подруги в голос, узнав про школу, – Ты колокольчик несла. И урони-

ла!

Такой позорный случай действительно произошел, но Зоя не виновата, потому что дядя нес нёс её неправильно, а какой-то дурак в черном халате ещё и плеснул на неё холодной водой прямо брызгами.

Дальше девушки рассказали Зое интересное. Оказывается, в соседнем курортном поселке лежащем прямо за Медведь-Горой как раз собирается всесоюзный слёт экстрасенсов, мастеров народной медицины и колдунов, вот буквально на днях и собирается, и немедленно пригласили и Зою и тётю.

– Ой, мне так нужна народная медицина, так нужна! – возбудилась тётя, и стала перечислять внушительный список требующих немедленного излечения заболеваний, пока Зоя не дернула её хорошенько сзади за платье, два раза, и тётушка остановилась.

В общем, всё было решено, и через несколько дней, поднявшись по длинной-длинной лестнице на трассу и поймав попутный троллейбус они оказались в гнезде магии и колдовства. Погода накануне испортилась и третий день шел мелкий противный дождик, но у тётушки был с собой зонтик, а Зое было наплевать.

– Сегодня вечером, – заговорщицки, как о большой тайне, сообщили ей девушки, – Все колдуны и ведьмы соберутся и будут колдовать о хорошей погоде.

Поскольку, по их словам, тут со всего СССР собрались самые лучшие колдуны и дипломированные специалисты черной и белой магии, то успех мероприятия почти обеспечен, и они тоже будут колдовать, а они – ведьмы, хотя и начинающие, но уже не совсем, и тоже будут колдовать вместе со всеми.

Признание девушек так потрясло Зою, что ей тут же захотелось тоже стать ведьмой и колдовать о хорошей погоде. Поскольку тётушка была в ауте (с ней уже занимался самый лучший луганский экстрасенс, и уже избавил её от нескольких недугов, но случай был сложный, и ей было не до этого), то времени у девушек было предостаточно.

– Нас тут прослушивает КГБ, – заявила одна из них, хотя никакого КГБ уже три года как не существовало, но ведьмам-то видней, – Мы пойдем в парк.

В санаторном парке, у пруда, около статуи лирически грустящего Пушкина, которая после внимательного рассмотрения оказалась статуей лирически грустящего Ленина, на ска-

меечке, они продолжили разговор.

– Стать ведьмой не так просто, – объяснили ей ведьмочки, – Захотел и стал. Ага! Так бы все были ведьмами. Тут всё по серьёзному, Зоя. Если Он тебя не примет, ты умрешь в одном из кругов посвящения. И никто не знает заранее, что решит Он. Понимаешь?!

– Кра! – сказал пролетающий слегка в стороне от них огромный черный Ворон, скосив клюв в их сторону, – Кра-кра!

Появление Ворона почему-то успокоило Зою, которую уже начала пробивать трясучка, и хотя Рыжие не сказали кто такой Он, чувствовалось что это серьезная фигура.

Начинающие саратовские ведьмочки пояснили Зое, что колдовать сегодня вечером ей не светит, так как молода ещё, и пока не ведьма, но, в принципе, она им подходит, и знак с колокольчиком – это был верный знак, что она своя, потому что уронила колокольчик ровно в тот момент, когда позванный какими-то сумасшедшими мамочками батюшка рьяно кропил собравшихся святой водой без спроса, а это верный, верный знак. Но первый круг посвящения они проведут прямо сейчас, и в этом пруду, окованном гранитом. Если Зоя готова.

Зоя была готова. По причине дождя парк был совершенно пуст, а тут хлынул уже совершеннейший, с громом и молниями, но ведьмам, как пояснили девушки, никакой дождь не страшен, у них сушилка внутри, а равно не страшны грозы, молнии, потёкшая тушь, что вообще ведьмам жуть как идёт, как и ходить по воде держа туфли в руках, и прочие тайфуны. Сначала ведьмы, под громыхание небес долго колдовали прямо под статуей изумлённого Ильича, и писали на лице и руках Зои какие-то символы чёрным, которые тут же смывал дождь, затем Зою раздели донага, обрисовал знаками уже всю совершенно, завязали ей глаза, очертили круг и, под должные случаю заклинания опустили с головой в пруд. Небеса почернели и опустились вниз, сгустившуюся свинцовую мглу пронзила молния от края до края вселенной и горы содрогнулись от грома.

Ведьмы держали Зою долго цепко и крепко. Она уже начала захлёбываться, билась и сопротивлялась, и лишь когда затихла совсем, а потом и обмякла её достали, положили на гранит парапета лицом вниз и накрыли полотенцем. Затем она долго и мучительно кашляла, затем кашляла ещё, свесив голову к земле, а девушки молча стояли по сторонам, и смотрели. Потом Зоя встала. Дождь стих, и лишь слегка моросил по её плечам.

– Я уже ведьма? – хрипло спросила она поправляя полотенце. С её лица и рук падали черные капли ещё не смытых таинственных знаков, и глаза впали и как-то пожелтели.

– Это только первый круг. Ты прошла. Некоторым не везёт. Некоторые остаются на дне пруда навсегда, но ты прошла. Остальные круги будут страшней. Продолжим в Саратове?

На следующий день хлынул ливень, сильнее которого Зоя не видела никогда в жизни. Погода, невзирая на усилия двухсот колдунов окончательно испортилась, так что тётя даже засобиравшись домой, тем более и деньги-то вдруг кончились,

И начинающая ведьмочка Зоя сделала свой первый в жизни самостоятельный важный вывод:

Колдовство это дело серьёзное и опасное, и переколдовать иногда так же плохо, как неколдовать.

Глава Шестая, Где мы узнаем, что нет ничего плохого в месяце Сафар

Ранее описанных вначале событий, осенью две тысячи двенадцатого года

Не далее как на излёте две тысячи двенадцатого года от Рождества Христова, или в 1434 году лунной Хидржи пустого месяца Сафар, чета Петровых-Савицких посетила Индию. Будучи крещённой, Зоя Павловна тем не менее была поклонницей всей доселе накопленной магии мира – от каббалы и доисламских легенд до ритуалов вызывания чёрта и гадания на жениха, в чем преуспела. Её спокойная и полная сальдо жизнь казалось, требовала заряда таинственности и всё растущей дозы страха – но страха безопасного, домашнего, такого рода страха, который исчезает мигом после того, как захлопнулись створки старого манускрипта – захлопнул книгу, два раза чихнул, и страха нет.

Некоторые дамы прыгают для этого с тарзанки, чтобы повизжать, другие идут на русские горки, называемые у нас по ошибке американскими, и там уж орут вволю, третьи как торро дразнят мужа-тельца, зная что сейчас нарвутся

на неприятности, но в том-то и кураж... но всё эти способы не совсем безопасны. Зоя Павловна выбрала, как ей казалось, самый безопасный способ страха – читала, колдовала и гадала.

Будучи полиглотом магии и суеверий наша героиня, конечно, знала, что месяц Сафар считается неблагоприятным для всякого рода предприятия, но будучи дамой замужней не придала этому никакого значения: что значит какие-то проблемы для замужней женщины, если в них всегда можно обвинить мужа?

Решив, что всё будут хорошо если они вернутся домой до последней среды месяца Сафар когда и происходят все главные неприятности, скажем, под конец года, а там какая работа, одни корпоративы, а потом Рождественские праздники, класс, она уже совершенно успокоилась, да и Сафар они затронут только по касательной, пустяки какие.

Лето в этом году выдалось испанское, и вместо хуньо затем настало полное хулио, а затем вообще агосто, поэтому хотелось погоды. Узнав, что погода в Индии в декабре считается наиболее комфортной для путешествия в эту удивительную страну, Зоя уже совершенно убедилась, что сделала правильный выбор. Приняв это решение она захлопнула «Путеводитель по странам Азии», которую давно хотела

охватить всю, привычно чихнула, и заявила:

– В декабре мы едем в Индию!

– Ну, если Бог даст, – попытался уйти на цирлах от неизбежного супруг.

– Бог даст! – решительно возразила благоверная, – И ты лично за это отвечаешь!

На этом семейная дискуссия была закончена, и начались сборы и хлопоты. Предстояло решить главный вопрос, кому же доверить подаренную мужу сову, которая ухала так жутко и не к месту, что вскоре была списана в вольер на улицу, построенный весьма основательным образом старым знакомым мужа, плотником-краснодеревщиком Абрамовым из дуба, ильма и тика.

Это монументальное сооружение, покоящееся на лакированных стволах вековых дубов выглядело так не в меру основательно, что стало главным украшением двора, а то и всего поселка. Не хватало только цепи золотой и кота. *«Сама б там жила, головой там вертела и ухала»* – поговаривала под нос Зоя, когда дома не было мужа, что часто, и поневоле приходилось ворчать на сову.

В доме стало пусто и тихо, но зато забеспокоился сосед, Руслан Имранович, примыкающий своим домом к тыльному забору имения Савицких. Крик совы в середине ночи так взволновал впечатлительного соседа, что тот вскоре спешно продал дом некому перекупщику с гражданством Израиля и Румынии, съехал, и вскоре умер. Перекупщик же, как ходили слухи, собирался снести слишком простой, похожий на большой красный кирпич дом Руслана Имрановича, и построить новый, куда более лучший, с колоннами и скульптурами, местами для нег и фантазий, и даже начал сносить, да вскоре был арестован в Таиланде за педофилию и неуважение к королю, после чего пропал.

Поскольку в этой части нашего рассказа, как в хорошей книжке уже все, кроме совы и её хозяев умерли либо пропали совершенно, мы оставим их всех с миром и последуем за четой Петровых-Савицких напрямик в Индию, где с ними приключилась совершенно удивительная история.

Глава Седьмая, Индия, и что из этого вышло 12 декабря 2012 года

Даже в Индии Пётр Петрович не мог не думать о работе.

– Как же тут недоразвито коммунальное хозяйство! – возмутился он – Вот тут надо бы проложить ливнёвку, например, – он показал шагами, где и как надо проложить. А тут...

– Зоя, тут две трети сетей пора перекладывать! Сколько у них народу живёт? Миллиард двести? Берём скромно по три тыщи долларов на рыло на обустройство сетей... Мало, ну ладно, третий мир же, – Значит, это получается...

Он слегка зашевелил ушами в процессе привычных вычислений.

– Если взять монашеский откат в десять процентов... пусть даже в пять... то... Получается...

Только откат, скромный и монашеский, получился в сто шестьдесят миллиардов долларов.

– Чёрт, я не в той стране родился! – подытожил он результаты своего плана улучшения индийского коммунального хозяйства.

– Ничего, вот воспаришь на жертвенном костре к небесам, и родишься в следующей жизни уже индийским Министром, – утешила его добрая жена, – А я замолвлю словечко. Посодействую.

– Ну не, Зой, я как-нить у нас поживу. Помучаюсь ещё пока, Родина же. И вообще, это женщин тут с мужем сжигают, вдов. А не мужей. Ты знаешь, необразованная моя Отан-биби, почему сказки заканчиваются тем, что жили они долго и счастливо и умерли в один день? «Умер муж. Жену сожгли. Вот и сказочке конец. А кто слушал – молодец». Вот как по настоящему.

– Не волнуйся, дорогой, – Зоя поцеловала мужа в лысину, для чего он привычным движением и без лишнего напоминания согнулся, повинувшись вытянутым особой целовательной трубочкой жениным губкам, – Мы с тобой в один день не умрём. Не переживай за меня. Я на десять лет моложе, между прочим, ха-ха.

Муж не спорил. Он вообще с женой не спорил, так как был мудр.

За этим разговором они подошли к Храму, ступая по узкой и довольно грязной улочке, той самой, где индийские чиновники так и не сделали ливнёвку, и ещё много не сделали ещё чего, да и зачем там делать когда там сплошные лавки и лотки с товаром, им и так нормально, когда дорогу им медленно и степенно перегородила Корова. Это не была обычная тощая индийская корова, нет. Это была большая корова, упитанная корова, лоснящаяся корова, потрясающе довольная собой корова, совершенно необычная для здешних мест, с рисунком на борту напоминающим чем-то карту мира. Живой шлагбаум стоял твердо, непоколебимо, и уверенно перегораживал собой всю улицу.

– Муууууу... – скала корова повелительным тоном и кивнула в сторону богато украшенной входной двери тату-салона, который обнаружился по правую руку из ничего. Вот ну секунду назад не было его, одни лавки.

– Да она у них дрессированная, – предположил Пётр Петрович, – Клиентов зазывает. Промоутер с выменем. Смотри, какая упитанная. На довольствии животное. Видно же.

Корова, загнув голову назад навыверт внимательно посмотрела на мужа левым глазом, словно обиделась на кличку «животное», и он почему-то замолчал.

– Тату? Отлично! Я всегда хотела тату! В Индии! Я сейчас же сделаю тату! Это круто! Который час?

– Двенадцать, около того.

– Отлично, везде успеваем, мы идем делать тату. А к Хаджураку потом пойдём.

Муж, который был категорически против каких-либо тату понял, что спорить не стоит.

– Мууууу.., – ещё раз уже удовлетворённо промычала шлагбаумная корова, и Петру Петровичу вдруг показалось, что в глазе её правом, обращенном к нему, как раз за его спиной отражается что-то другое, не та узкая улочка по которой они шли только что к Храму, а какая-то площадь застроенная дворцами и толпа людей в старинных одеждах королевской стати, с регалиями, скипетрами, державами и прочими булавами в руках, черт знает в каком количестве, но мелко, не разберёшь. Он даже оглянулся назад, посмотреть. Улица была совершенно пуста, что необычно для таких торговых мест, ни одного торговца, ни одного покупателя, ни одного воробья.

– Ну идем, – схватила его жена под руку, – Пошли. По-

шли!

Мастер, казалось, ждал их, и ждал уже тысячу лет.

– Очень хорошо, очень хорошо, – заговорил он на ломаном английском.

Огромные, размером со средний платяной шкаф часы в углу мастерской пробили двенадцать. Часы эти также оказались вполне необычными. Неторопливый маятник отмеривал секунды, часовая стрелка пробегала часы и четверти часа, минутной же вовсе не было, зато в окошках на циферблате отражались фазы Луны, показывающие что ещё капелька и Луны не будет вовсе, и положения каких-то мало-знакомых планет.

– Двенадцатое декабря 2012 года, я ждал вас. Я ждал вас тысячу лет, Великолепная!

– Я бы хотела посмотреть эскизы, – начала было Зоя.

– В этом нет необходимости, Царица Зое, – с поклоном головы ответил Мастер, – Всё уже готово, и все ждут вас.

В мастерской действительно обнаружили полуобнаженные слуги, склонившие лики в долгом почтительном покло-

не. По углам большой залы красного кирпича дымились благовония, и казалось, что дымились они тут как раз второе тысячелетие, ровно столько, сколько сказал Мастер, настолько пропитан был воздух, так что голова слегка кружилась, и сил сопротивляться не было никаких.

«Будет что будет». Зоя упала в кресло черной кожи и казалось, сразу провалилась на целый этаж вниз вместе с ним. Муж куда-то исчез, Зал стал огромен, потолок не видим в темноте, и лишь один тусклый огонёк еле-еле угадывался в зените, а дым от благовоний постепенно сложился в странные рисунки, похожие на лица волхвов. Голова окончательно закружилась, но приятным ажурным полётом, как в летнем безмятежном детском сне.

Голос мастера становился все более гулким и доносился вначале сверху, потом откуда-то с уровня потолка, затем – ещё выше, и наконец стал звучать откуда-то с неба, непременно с неба, с белых туч, причем ниоткуда, звучать ото всюду сразу, как будто весь небесный купол был лишь большим рупором, через который говорило нечто настолько вселенское, что и неба бы не хватило чтобы увидеть его разом. «Вот почему люди никогда не видят Бога, – вдруг подумалось Зое, – Просто он очень большой». А что подумалось мужу её – неизвестно, так как он был человек рассуждающий предметно, конкретный человек, обстоятельный муж-

чина, чуждый всякой мистики и ерунды. В отличие от супруги, очень к ерунде склонной.

Затем голос исчез, и наступила долгая ослепительная белая мгла, через которую постепенно стали проступать окружающие предметы. Первым делом Зоя разглядела контур коровы, которая опять сказала «Муууу...» после чего стало заметно, что пятна на ней точно соответствовали очертанию континентов, причем центром этого Мира был, как ни странно, Саратов. Затем из белой мглы проступили контуры стоящего неподалёку Храма... а затем всё пришло в норму. Всё, да не всё. Тату-салона на прежнем месте как не бывало, да и рядом, там где только что стояла двухэтажная лавка с подвалом и благовониями осталась лишь клумба на которой одиноко росли три огромные розы идеальной формы – черная, красная и белая, и все на одном кусте.

На этом розовом кусте также обнаружилась и овальное зеркало с инициалами «QZ», с оправой желтого металла и затейливой ручкой резной слоновой кости, висящее на кожаном ремешке, который сам держался лишь на шипах розы, и более ни на чём не держался. «Королева Зое!» – вспомнила наша девица красная, как обращался к ней Мастер.

– Ой, это мне, – засуетилась она, отделяя ремешок от огромных розовых шипов, – Я – Квиин Зое! Это, навер-

ное, от салона подарок. А где салон? Ой, какое тяжелое! А ты рассчитался с ними? А откуда они узнали, как меня зовут?

Не выслушав ответ мужа, Зоя, вывернув голову, принялась разглядывать обновку на плече. Дело было важное, ну как же. «Ой, черная, – подумала она – Хна, наверное. Халтурщик этот мастер»

Наверное, стоит рассказать, что же получилось у Мастера тату. Большая часть изображенных вокруг центральной фигуры сюжетов и знаков были совершенно непонятны, но середину композиции описать было легко. В центре овала из лавровых ветвей угадывалась фигура обнаженной женщины слегка прикрытая тогой ниже пояса, с египетским ключом в руке, окруженной латинской надписью «Imperare Orbi Universo» поверх лаврушки, и изящный легкий знак в ногах богини, представляющий собой букву «О» вертикально разделённую буквой «I» на две половины, опоясанную снизу подковой до пояса, как колосьями и увенчанная точкой в виде короны в верхней части буквы. Обнаженная богиня попирала этот знак своими босыми ногами так, словно она сейчас же побежит, а слегка изломанная линия её тела заставляла вспомнить ту самую девочку на шаре. Раздвоенное «О» под ногами Богини одновременно как бы вращалось и не вращалось. Что странно, при взгляде на это раздвоенное «О» если задержаться более секунды начинала неустраимо

кружиться голова. Казалось, что две половинки этого «О» постепенно разлетаются за пределы видимого горизонта отдаваясь в бесконечность, а корона напротив, растёт, растёт, приближается к вам и постепенно заполняет собой все видимое пространство. Потом корона заполняла всё и наступал полная, абсолютная, бесконечная, безмолвная чернота. Впрочем, наваждение это сразу проходило, достаточно было всего лишь моргнуть или вовсе отвести взгляд.

– Черт знает что, и сбоку бантик, – подытожил неромантический муж свои впечатления от работы Мастера тату, – Пойдём, найдём пива, а.

Глава Восьмая, Города побратимы Луганск и Лугано и царь Справедливости Хаммурапи

Двадцать девятого и тридцатого декабря две тысячи тринадцатого года от Рождества Христова, в доме Петровых-Савицких

Вскоре выяснилась и дата первого высокого собрания Мирового Правительства с участием Квин Зое. Место и время, понятное дело, сообщил ей Яков, по телефону, причём из самолёта, и слышно было плохо. Яков надо сказать (тут это к месту будет) часто летал, так как встречался с управляющими своих многочисленных подставных фирм пасущимися в безналоговых зонах и прочих зелёных оазисах прямо в аэропортах, смотрел документы и тут же улетал. Для всех он был только Главный юрисконсульт, назначенный некими таинственными номинальными владельцами бизнеса которых никто никогда не видел. Ходили впрочем слухи, что их давно хлопнули, закатали в бочки из под огурцов и спустили в Гудзон, Сену и Темзу, а от них осталось только факсимиле на память, но этого в точности никто не знал, а то кто есть в реале владелец этих бизнесов и над чем он владелец, наверное, знал он один во Вселенной. Во всяком случае, ни

один серьезный документ без его личного одобрения подписать было нельзя, почтам он не доверял, поэтому летал и всё смотрел лично. Ну потом, а поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.